

АНДРОГЕННОСТЬ ЯЗЫКА И ПРОБЛЕМЫ СИНТАГМАТИКИ КАТЕГОРИИ РОДА

Рассматривается андрогенность языка и проблемы синтагматики категории рода. Указывается, что основной функцией, охватывающей все без исключения формы рода, является функция согласования, что само по себе делает важным и значимым синтагматический компонент категории рода. Однако нельзя сказать, что именно он продиктовал разграничение несклоняемых имен на слова мужского, женского или общего рода, так как сама синтагматика предопределяется денотативным содержанием – фактором лексического значения. Основным синтаксическим средством выражения категории рода-пола у существительных общего рода является форма сказуемого, выражающая предикативный признак. Предикативные и атрибутивные связи несут разную нагрузку: атрибутивные сочетания в большей мере формальны, предикативные – семантически.

Ключевые слова: гендерные стереотипы; естественный род; гомические двуродовые существительные; соотносительные существительные; двойственная речевая отнесенность.

Гендер – это одно из базовых измерений социальной структуры общества. Гендерология пытается выявить, как гендерные стереотипы отражаются в языковой системе вообще. Ведь если язык – не природный организм, а общественный конструкт, в нем обязательно должны найти отражение социальные представления о ролях, качествах, обязанностях мужчины и женщины (ср. поговорки типа *Курица не птица, баба не человек; Баба с возу – кобыле легче; Послушай женщину – и сделай наоборот*).

Грамматика, которая менее других уровней зависит от социальных влияний, равнодушна к гендерным различиям. Так, по-русски обычно сказать *женех и невеста, дед да баба*, но не наоборот – *невеста и жених* и т.д. Получается, что синтаксическая категория (порядок слов) обусловлена гендерными стереотипами.

К «парадоксам» грамматики относят доминирование форм мужского рода среди названий лиц по профессии, роду занятий (причем даже в случаях, когда профессия распространена среди женщин не в меньшей степени, чем среди мужчин; например, *врач, инженер*, и т.п.). В рамках феминистской критики языка иногда считается, что так в языке, в том числе на уровнях морфологии и синтаксиса, завуалированно утверждается превосходство одного пола над другим, что основные европейские языки имеют ярко выраженный андрогенный характер.

Наиболее радикальные представители гендерологии высказывали мнение о том, что язык нужно директивным путем избавить от тех форм и выражений, которые содержат дискриминацию по полу. Прежде всего, к таким «дискриминирующим» фактам относили обычное использование мужского рода в обобщенном значении. Но если даже главное слово для обозначения лица в русском языке *человек* мужского рода (при абсолютном отсутствии женских коррелятов, хотя бы и находящихся за пределами литературной нормы, т.е. разговорного или даже просторечного характера, как у слов типа *доктор, врач*), то вряд ли это так легко изменить.

Общий род – индоевропейская категория и закономерное явление. По мнению С.В. Вертиева [1. С. 14], в широком смысле к общему роду относят возможность колебаний в согласовании применительно к одному существительному.

Следует заметить, что отрицание существования имен общего рода происходило только на том основании, что и при обозначении лица мужского пола воз-

можно было согласование по женскому роду (*он такая умница*), тем более что доказано: многие имена мужского рода с «женской формой» возникли вследствие перенесения женских атрибутов, прозвищ, качеств на мужчин (ср. слово *баба* применительно к мужчине). А.А. Потенба [2] считал, что причина перехода некоторых существительных женского рода с флексией *-а(-я)* в состав слов общего рода – это функционально-стилистический прием уничижения.

А.А. Шахматов обратил внимание на синтаксический характер имен общего рода: «Род имен существительных познается не из морфологических окончаний, ибо показания окончаний стоят нередко в противоречии с так называемым естественным родом, а из синтаксических отношений, в которые ставится данное имя: родовая форма согласованного с именем прилагательного в определении и прошедшего времени глагола в сказуемом указывает на род имени» [3. С. 449]. Сочетания типа *неправедная судья, городская голова* он объясняет «внешним грамматическим согласованием».

Слова общего рода иначе называют «омоформами», «гомическими двуродовыми словами», применяют к ним термины «дизъюнкция двух родов», «две лексемы» или «два значения одной вокабулы», причем состав группы понимается, как правило, однозначно [4. С. 100–101]. Исследователи категории слов общего рода подчеркивают, что пол лица у этого разряда антропонимов выражается синтаксически – различным согласованием с определяющим словом одного и того же существительного. Вообще при отнесении существительных к общему роду (м. и ж.) необходимым условием является именно двоякое согласование с ними синтаксически зависимых слов.

Слова общего рода справедливо характеризуются как существительные с расширенной синтагматикой. В русском языке выделяют 4 разряда таких имен с расширенной синтагматикой:

- 1) слова оценочного типа на *-а* (*пройдоха, пьяница, рева*);
- 2) слова мужского рода с флексией *-а* (*глава*);
- 3) слова женского рода с флексией *-а*, имеющие оценочное значение в переносном употреблении (*типа, лиса*);
- 4) слова типа *врач*.

Категорию рода считают базисной для морфологии существительного, так как принадлежностью к роду определяются особенности использования его в речи (согласовательный класс). Именно синтаксическая

концепция позволила объединить род с противопоставлением одушевленности – неодушевленности и выделить семь согласовательных классов существительных (род + одушевл.–неодушевл.): муж. одушевл., муж. неодушевл., жен. одушевл., жен. неодушевл., ср. одушевл., ср. неодушевл., слова с омонимией форм обоих чисел типа *сани, ворота*). Особый разряд, считает А.А. Зализняк [5. С. 80–85], составляют существительные общего рода. Для этой группы он признает возможным два решения:

1) каждое из таких слов может быть рассмотрено как единая лексема, собственно номинативное значение которой вообще не содержит элемента, уточняющего пол. При таком подходе слова общего рода выделяются в особый согласовательный класс – «скрещенный»;

2) каждое из существительных расщепляется на два омонима: *сирота 1* – лексема согласовательного второго класса, содержащая номинативный элемент «мужской пол», и *сирота 2* – лексема четвертого согласовательного класса, содержащая номинативный элемент «женский пол». При такой трактовке новых согласовательных классов не появится. А.А. Зализняк [5. С. 80–85] отмечает, что при существительном «скрещенного» согласовательного класса осуществляется семантическое согласование.

Г.И. Панова [6. С. 220] утверждает, что среди гомиических двуродовых существительных есть те, которые по преимуществу выступают (в плане синтагматики) как существительные мужского рода – *староста*, и те, которые бывают преимущественно женского рода, – *зануда*. Различие объясняется тем, что эти слова пришли из разных классов. М.В. Ласкова [4. С. 302] считает, что в синхронии такое разграничение для указанных слов невозможно провести: староста студенческой группы едва ли не чаще девушка, чем юноша, а занудство как свойство характера, наверное, присуще людям независимо от признака пола. Однако само наблюдение о том, что некоторые из существительных общего рода чаще выступают как существительные мужского рода, представляется очень верным.

Вопрос о расширении группы слов общего рода возник с появлением у слов типа *врач* возможности согласоваться по женскому роду, в том числе и в условиях аппозиции. Аппозиция типа *женщина-врач* – это инновация XIX в. А.И. Смирницкий писал о социальной обусловленности этого явления: «До революции обычно было выражение *женщина-врач*, сейчас оно утратилось потому, что женщины-врачи перестали быть исключительным явлением» (курсив мой. – Н.Б.) [7. С. 143]. Конечно, случаи аппозиции и в современных текстах возможны при подчеркивании женского пола:

Дежурила женщина-врач лет сорока пяти (Е. Евтушенко. Ягодные места).

Женщина-политик открыто заявила претензию на получение власти демократическим, а не кулуарным путем (Комсомольская правда. 19 апреля 2000 г.).

Как отмечает М.В. Ласкова [4. С. 302], эта конструкция необходима, если речь идет о сферах, по-прежнему не характерных для женщин:

...сейчас Стержаков играет роль работаровца в его российско-американском фильме о женщинах-гладиаторах (Комсомольская правда. 13 октября 2000 г.).

Возможны другие способы аппозитивного указания на лицо женского пола:

К нам в столицу для чтения лекций прибыла эта 34-летняя темнокожая дама-профессор (Комсомольская правда. 23 декабря 2000 г.).

Аппозиция помогает снять несоответствие между женским родом определения и мужским родом слова *профессор*.

Значение лица женского пола передается в русском языке синтаксическими средствами, роль которых постоянно возрастает, поскольку с распространением женского труда не только возрастает количество суффиксальных наименований женщин по профессии, но идет и обратный процесс. Как пишет И.П. Мучник [8. С. 218], после революции не только шло образование параллельных форм, но и возврат к формам мужского рода, причем, что весьма любопытно, как раз в тех отраслях, где женщины вытеснили мужчин. В 1920-х гг. употреблялось слово *кондуктриса*:

«Ваш билет!» – обратилась кондуктриса к молодому человеку (Смехач. 1928. № 6).

Или ср.:

*Поэтому у меня,
у старой газетной крысы,
и язык не поворачивается
обвинять
ни шофера,
ни кондуктрисы*

(В. Маяковский. Про пешеходов и разинь).

Однако закрепилось слово *кондуктор* (особенно в предикативной функции, где практически не встречается женская форма *кондукторши*), а *кондуктриса* и вовсе исчезла из употребления (при том, что эта профессия почти исключительно женская).

Не закрепился в общем языке ни один из коррелятов к слову *автор*, и значение женского пола передается исключительно синтаксическими способами. В монографии «Словообразование русского литературного языка» (1968) сказано, что интенсивное снижение употребительности женских коррелятов связано с отсутствием в социальных условиях причин для постоянного подчеркивания противопоставления мужского и женского труда путем введения соотносительных существительных мужского и женского рода.

В XIX в. такое использование существительных мужского рода было редкостью и касалось слов со значением характеристики (*знаток*). Позже к ним присоединились многочисленные названия лиц по профессии и роду занятий.

Средством выражения семантики женского пола часто становятся синтаксические элементы. На женский пол могут указывать: женские имена и фамилии рядом со словами типа *доктор, полковник, майор*. Ср. наименование *лейтенантка* в романе А.И. Солженицына «В круге первом»: Девушки-*лейтенантки* КГБ застенчиво сторонились его; Лейтенант написал записку и передал ее Тоне, татарочке из акустической, тоже *лейтенантке*.

Такое указание на принадлежность носителя профессии к женскому полу иногда называют субститутивным.

К синтаксическим средствам выражения значения рода-пола относится и употребление местоимения:

а) анафорического: *Истинный питерский интеллигент, она очень любила поэзию...* (А. Вознесенский. Архив);

б) катафорического, которое активизирует референт с тем, чтобы обеспечить его повторное упоминание в последующем тексте:

Странно, – проговорил Алексей. – Почему она так сказала? – Кто? – не поняла Нинка. – Врач. Она сказала, что я должен вымереть, как мамонт (В. Токарева. Северный приют).

А.А. Колесников [9. С. 36–41] говорит о формальной недостаточности существительных типа *врач* в передаче «взаимобусловленных значений естественного пола». Средства компенсации этой формальной недостаточности могут быть вне пределов контактного согласования: *Мы не думали, что бригадир столько сможет сделать сама. Донор и ее кровь спасли мне жизнь.*

Прилагательное (причастие) также служит средством реализации семантики женского пола, хотя, строго говоря, сочетание слов типа *доктор* с прилагательным в женском роде не является нормой. Словари трудностей указывают, что для необособленного определения, выраженного прилагательным, нормой является мужской род даже при наличии имени собственного: *В журнале «Новый мир» появился новый автор Н. Петрова.*

В словосочетаниях с женским родом определения можно рассматривать как допустимые, как вариант нормы, особенно это касается случаев, когда определение не абстрактное, а конкретное, живописное, нацеленное на изобразительность (*задумчивая*).

Женский род глагола-сказуемого может предопределять женский род слова, поясняющего подлежащее, если сказуемое стоит в препозиции:

Как-то в первый класс голицинской школы заглянула ассистент режиссера, занимающаяся подбором актеров (Семь дней. 1998. № 11. С. 11).

Возможно, что два определения (в пост- и препозиции) будут иметь разные родовые характеристики:

Мы посмотрели на главного администратора магазина, сидевшую за большим черным столом... (Комсомольская правда. 25 февраля 2007 г.).

Таким образом, категория рода-пола часто получает собственно синтаксическое выражение. Распространение синтаксических способов выражения семантики пола часто оценивается как одно из проявлений аналитизма в русской грамматической системе.

Случаи типа *врач пришла* справедливо расценивают как одно из проявлений аналитизации русской грамматической системы. Раньше к таким словам относились существительные типа *неряха*, теперь прибавились существительные типа *доктор*. Значит, синтетические элементы, указывающие на род существительного, ослабли, а аналитические усилились. Ср. также у Г.И. Пановой: «Так как демаскулинизация лексемы (*педагог пришла*) восполняется на уровне синтагмы, то это проявление прогрессирующего аналитизма» [6. С. 12]. Аппозиция – способ структурирования, когда граммема рода у одушевленных существительных «отторгнута» от самой лексемы (типа *женщина-капитан*,

женщина-президент), – тоже относится к проявлению аналитизма.

А.А. Зализняк [5. С. 80–85] называл такие конструкции средством определения рода существительных, которые стоят во множественном числе: *один из карандашей* – мужской род, *одна из чернильниц* – женский род. Однако для слов типа *врач* такая конструкция вряд ли обладает диагностической ценностью. Во-первых, потому, что слова типа *врач* и *учитель* преждевременно считать существительными общего рода, а во-вторых, потому что во множественном числе такие слова, как правило, называют лиц и мужского, и женского пола: *одна из учителей, одна из знатоков* и т.д.

Норма в отношении этих сочетаний изменилась достаточно быстро – на памяти одного поколения. В «Грамматике русского языка» (1960. Т. 2. С. 510) рекомендуется координация сказуемого с подлежащим – названием лица по профессии – только по мужскому роду, независимо от пола обозначаемого лица: «*Кондуктор дал сигнал к отправлению*» (и о мужчине, и о женщине). Особо подчеркивается, что случаи «*Кондуктор дала сигнал к отправлению*» *резко нарушают правила грамматического согласования*. Координация по смыслу стала нормой, причем для всех стилей литературного языка: нейтрального и даже официально-делового.

В ряде лингвистических исследований отмечается, что слова типа *врач* следует отнести к существительным общего рода, ибо они уподобились по своим синтаксическим свойствам именам общего рода. Чаще всего об отнесении этих существительных к разряду слов общего рода говорится с оговорками. Е.В. Сенько [10. С. 46] считает «двуродовыми» существительные *дилер, банкир, менеджер, собесовец* и полагает, что значительное число таких наименований в 1990-е гг. привело к изменению в структуре категории рода, ибо лексическая неологизация влечет за собой трансформации других уровней, прежде всего грамматического.

Одним из авторов, который указал на синтаксический признак разграничений слов общего рода и слов типа *врач*, был В.М. Никитович [11. С. 37]. Указанный автор считает, что нельзя смешивать существительные общего рода с существительными мужского рода со значением лица, так как у них, во-первых, различные правила согласования, а во-вторых, существительные мужского рода в большинстве случаев образуют производные формы женского рода.

Сравним также такое различие существительных мужского рода, способных употребляться для обозначения женщин, и слов общего рода: слова мужского рода могут иметь при себе глагол как в форме мужского рода, так и в форме женского рода, т.е. родовая форма глагола может зависеть как от пола лица (*министр выступила*), так и от рода существительного (*министр выступил* – о женщине). Однако при словах общего рода родовая форма глагола всецело определяется полом лица.

Обычно употребление выражений типа *врач рекомендовал* в случаях, когда пол лица неизвестен или не подчеркивается. Как считал В.В. Виноградов [12. С. 62], слова мужского рода имеют гораздо больший «интеллектуальный вес и семантический объем», а

также возможность использования применительно к женщинам.

Следующая отличительная черта существительных общего рода от слов мужского рода состоит в том, что у имен общего рода не бывает морфологических коррелятов женского и мужского рода. У существительных мужского рода такие корреляты используются очень широко (*активист – активистка, студент – студентка*).

Еще одно собственно синтагматическое отличие состоит в том, что существительные общего рода в силу своей двойственной речевой отнесенности могут в одном значении соединяться с числительными *оба, два, двое*, а в другом – с *обе, две*. Существительные мужского рода, даже если они употреблены по отношению к женщине, такого соединения со словами *обе, две* не допускают.

Соединение таких слов с определениями (местоимениями, числительными и прилагательными) – это главный аргумент в защиту точки зрения на них как на слова мужского рода. А.М. Пешковский [13. С. 121] писал, что *филолог требовала* вполне допустимо, но сказать *симпатичная филолог*, как и *добрая товарищ*, нельзя, и причина, скорее всего, в том, что прилагательное не обладает той самостоятельностью, которая присуща глаголу.

Таким образом, род слов общего рода парадигматически определен быть не может. Ср: И. п. плакса (м. р.), плакса (ж. р.); Р. п. плаксы (м. р., ж. р.); Д. п. плаксе (м. р., ж. р.); В.п. плаксу (м. р., ж. р.); Т. п. плаксой (м. р., ж. р.); П. п. (о) плаксе (м. р., ж. р.).

Род же существительного типа *врач* выражается парадигмой: И. п. врач; Р. п. врача; Д. п. врачу; В. п. врача; Т. п. врачом; П. п. (о) врач.

Морфологический облик первой группы соответствует женскому роду, морфологический облик слов типа *врач* – словам мужского рода. Хотя утверждение, что для слов типа *врач* характерна сочетаемость с прилагательными по мужскому роду, в общем справедливо, однако при подчеркнутом указании на особенности внешности, поведения женщины предпочтительнее женский род определения.

Слова типа *врач* отличаются от существительных общего рода и обобщенной семантикой, которая предопределяет синтагматические различия. Слова типа *врач* – это слова с ярким номинативным содержанием, они неатрибутивны по своей семантике, и для них наиболее типичным является использование в роли подлежащего, дополнения, они сочетаются с широким кругом прилагательных. Эти слова называют лица, а не их признаки.

Иное дело – слова типа *мяля, рева, придира*. В силу атрибутивной семантики сочетаемостные возможности их значительно ограничены.

Итак, неизменяемые существительные, называющие лиц как мужского, так и женского пола, должны быть квалифицированы как существительные общего рода. Что касается слов типа *врач*, то их логичнее отнести к существительным мужского рода. То есть до тех пор, пока сочетание *хороший врач* может быть применено не только к мужчине, но и к женщине, говорить о переходе слов такого типа в категорию общего рода прежде-

временно. Логичнее всего вести речь об асимметрии в семантике таких слов, о том, что признак мужского (грамматического) рода влияет на восприятие их семантического содержания. Последнее обстоятельство нашло яркое отражение в детективе А. Марининой «Призрак музыки»:

– Юрочка, ты никогда не задумывался над тем, что в русском языке ярко проявляется половой шовинизм? – внезапно спросила Настя.

– Чего-чего проявляется?

– Половой шовинизм. В официальном правильном русском языке есть слова, которые с равным успехом могут обозначать и мужчину, и женщину, но все равно эти слова мужского рода. То есть изначально предполагается, что слово может относиться только к мужчине. Например, врач, строитель, шофер, инженер. Кстати, и все воинские звания мужского рода и женской формы не имеют. Мы в разговорной речи, конечно, употребляем слова и «врачиха», и «инженерша», и «полковница», но это именно разговорная речь. В официальных документах так не пишут.

– А ты чего, обиделась, подполковница? Хочешь внести в Думу предложения по реформе русского языка? – поддел ее Коротков.

– А еще есть слова «меценат», «собственник» и «владелец», – продолжала Настя, будто не слыша его ехидной реплики. – И когда их произносят, то все невольно думают о мужчинах. Исторически так складывалось, что собственником и владельцем мог быть только мужчина. Потом жизнь изменилась, а слова остались...

– Ермилов не собирался убивать Елену Петровну. Он хотел убить Дударева. Но, делая заказ, он не назвал конкретного человека, он дал приметы и номер машины и адрес, по которому она паркуется каждый день, и велел убить владельца. Как он мог знать, что в машину на водительское место сядет Елена Петровна? Ведь на машине ездил только Дударев. У Елены даже прав не было. А несчастный Костя Вяткин и знать не знал, что речь идет о мужчине. Ему сказали «владелец», он и подорвал машину, когда в нее сел человек, которого по всем признакам можно было признать за владельца. Костя-то понимал, что за этим словом может стоять в равной мере и мужчина и женщина (цит. по: [4. С. 302]).

Итак, ошибка произошла из-за существительного *владелец*. «Недостаточная» синтагматика может, таким образом, привести к двусмысленности. Примеры подобного рода показывают влияние гендерной асимметрии на процессы коммуникации.

Одна из аксиом феминистской идеологии состоит в том, что пол является важнейшим личностным параметром, а значит, «правильный» язык должен содержать одинаковое количество мужских и женских номинаций с коррелирующей семантикой, так чтобы женщины именовались существительными женского рода, а мужчины – словами мужского рода. Однако в реальности так не происходит никогда, и все языки, имеющие категорию рода, в той или иной мере обнаруживают асимметричность. Ср.: даже главное обозначение лица – слово *человек* – мужского рода.

Однако при том, что слово *человек* в русском языке называет и мужчину и женщину, мужской род этого

слова создает ряд неудобств, коммуникативных неудач, обусловленных, главным образом, синтагматикой – сочетаемостью с прилагательными и глаголами по мужскому роду.

В русском языке действует достаточно четкое правило: слово *человек* не может быть помещено в контекст, типичный для характеристики женщины: «В комнату вошел человек с ярко накрашенными губами, на высоких тонких каблуках» (цит. по: [4. С. 302]).

Это ощущение – «речь о мужчине, а не о женщине», – конечно, создается предикатами и атрибутами, которые «навязчиво» повторяют значение женского рода.

К словам мужского рода, которые (до недавнего времени особенно активно) применяются по отношению к женщинам, относится и слово *товарищ*. Это слово интересно в связи с его семантическим наполнением – возможностью обозначать лиц обоего пола – и, как следствие, с особенностями его синтагматики.

«Двуродовость» этого существительного стала ярко ощущаться с конца XIX в. и особенно после Октябрьской революции. В строгом литературном языке нормой было согласование по мужскому роду: «*Дорогой товарищ Анна*» (из письма Н. Островского к А. Караваевой), но возможно и употребление прилагательного в форме женского рода (особенно в разговорной речи): «*Уважаемая товарищ Иванова*».

Различия в родовой синтагматике часто связаны с различиями коммуникативных целей высказывания и текста.

Ср. у М.В. Ласковой [4. С. 302]: *Случай сложный, необходим врач* (форма мужского рода существительного и краткого прилагательного с обозначением неопределенного лица в составе ремы высказывания) и *Я смогу помочь – сказала врач* (форма мужского рода существительного и женский род глагола связаны с обозначением определенного лица в составе темы высказывания).

В случае существования коррелятивных пар женского рода, которые соответствуют узусу и норме, во втором случае будет предпочтен вариант женского рода, при том что практически для всех стилей и жанров вполне уместно выражение *Моя сестра – учитель*; в случае использования наименования лица в составе темы предпочтительнее вариант женского рода: *Учительница вошла в класс*, а не *Учитель вошла в класс*.

Если существительное употребляется в референтной позиции в тексте, то выбор одной из коррелятивных форм, а также выбор форм согласования служат средством выражения значения определенности / неопределенности. Проанализируем в связи с этим один из ответов при анкетировании (речь шла о формальном и смысловом согласовании слов типа *бухгалтер* с глаголом), результаты которого воспроизводит И.П. Мучник [8. С. 218]:

Вы говорите о разных вещах. Если надо сказать, что пришла Ольга Федоровна, которая является бухгалтером, то – бухгалтер пришла. Если речь идет о человеке, занимающем должность бухгалтера (человек этот – женщина), надо сказать «бухгалтер пришел». Обе формы допустимы.

То есть фактически носитель языка указал на свое ощущение неоднозначности (омонимичности) двух

выражений. Характерно, что профессиональные лингвисты не всегда опираются на это ощущение. Так, в одном из первых частотно-стилистических словарей приведены подсчеты, связанные с употребительностью вариантов *врач пришел – врач пришла*, и нет указания на референциальное и нереференциальное употребление. Так что частотность вариантов может лишь свидетельствовать о большей коммуникативной значимости акцентирования пола лица, о частотности случаев конкретной референции, а не о собственно нормативности согласования по роду.

Т.М. Николаева [15. С. 132–141] отмечает, что определенность / неопределенность, как и другие коммуникативные, текстовые категории, образуется градуальными оппозициями, и могут быть выделены разные степени определенности: 1) максимальная (ср.: *Саша пришла / пришел* – здесь определенность уникальности); 2) определенность ситуации или контекста (*вошла учительница / учитель* или *представитель передал послание / представительница передала послание*). Если в первом случае выбор форм не допускает варьирования, то во втором вариантное употребление возможно и зависит от актуальности в данном тексте (ситуации) отношения к полу.

В предикативной позиции существительные – личные имена – всегда обозначают неопределенное лицо. В предикате обычно сохраняется «немаркированный мужской род».

Относительно несклоняемых существительных следует заметить, что они не передают значений рода, числа и падежа с помощью флексий как основной масив имен в синтетических флективных языках. Однако несклоняемые имена обладают соответствующими грамматическими значениями (в противном случае они не смогли бы функционировать в актах коммуникации) и выражают их синтаксически.

Как известно, несклоняемые имена остаются вне деklinальной системы в силу ряда причин, к которым относят:

1. Морфонологические факторы (характер сочетания финали и предшествующего согласного, нетипичные для морфонологической системы языка; например, в русском языке финаль *-и* для передачи формы именительного падежа единственного числа или финаль *-у* с любым предшествующим согласным для передачи значения именительного падежа – *драпри, колибри, эму, какаду*).

2. Семантические факторы (обозначение таких денотатов, для которых неактуально разграничение агенса и пациенса).

3. Прагматические (малая частотность слова, которая не в состоянии обеспечить грамматическую оформленность).

Понятно, что наименования лиц должны быть по возможности склоняемыми именно в силу семантических причин (для этой группы существительных чрезвычайно актуально различие между субъектом действия и объектом). Поэтому названия лиц среди несклоняемых имен единичны (*микадо, тореро, камикадзе, месье, мадам, мадемуазель, мисс, миссис, миледи, инженерю, травести, портье, протееже, инкогнито, конференсье*). Они остаются неизменяемыми в силу действия морфонологических причин.

Конечно, особенности их синтагматики диктуются номинативным (лексическим) значением: имена лиц распределяются по родам в соответствии с семантикой реального пола: *микадо*, *тореро* – мужского рода, *инженю*, *мадам* – женского. В связи с возможностями мужского рода передавать значение лица вообще, среди несклоняемых имен нечетко выделяется группа слов общего рода (им, по указанной причине, часто приписывается только признак мужского рода).

На наш взгляд, бесспорно, к существительным общего рода относятся несклоняемые названия лиц типа *конферансье*, *портье*, *инкогнито*, *протезе*.

Между тем все эти слова совершенно идентичны по отношению к роду и должны быть охарактеризованы пометами м. и ж. как слова общего рода (что, естественно, предполагает употребление в роде в соответствии с полом обозначаемого лица). В случаях, когда пол неизвестен, обычен мужской род. Ср. также:

Так, в одних недавно опубликованных мемуарах она (Анна Ахматова) острит, как эстрадный конферансье (А. Кушнер. Анна Андреевна и Анна Аркадьевна // Новый мир. 2000. № 2. С. 183).

Мужской род в сравнительном обороте соответствует обычной гендерной асимметрии, которая проявляется в том, что имена мужского рода имеют обобщенный характер.

Иное дело – *инженю*, *травести* только женского, а слова типа *микадо*, *камикадзе*, *тореро* – только мужского рода. Правда, возможно их окказиональное использование (в переносном значении) и по отношению к лицам женского пола. Ср. название газетной статьи о министре по социальным вопросам Валентине Матвиенко:

Спортсменка, комсомолка, красавица, наконец, просто камикадзе (Аргументы и факты. 1999. № 9. С. 4).

В прямом значении слово *камикадзе* – летчик-смертник на самолете одноразового действия в вооруженных силах Японии во время Второй мировой войны, – естественно, имеет признак только мужского рода. А в переносном – вообще смертник, человек, работающий на износ, не щадя себя, с большим риском; появляется возможность приписать ему признак и женского рода.

Интересно, как распределены по родам в словаре (СЯС) [16. С. 700] аббревиатурные наименования лиц. Слова *завкадрами*, *завкани*, *завклубом*, *завроно*, *заврайзо* имеют пометы «м.» и «ж.», *заворг*, *завпартком*, *завлит*, *завнарком* и даже *завуч* – только помету «м.», а *завженотделом* – «ж.». Может быть, *завнаркомов* – женщин и не было, но о *завучах* в школе этого никак не скажешь. И грамматическая помета (особенно в сопоставлении с аналогичными словами) представляется совершенно немотивированной.

Если родовое распределение несклоняемых антропонимов целиком опирается на семантический критерий (семантику биологического пола), то с несклоняемыми названиями животных и птиц дело обстоит далеко не так однозначно. Толковые словари представляют этот разряд лексики крайне противоречиво [16, 17].

Так, в МАС [18] даны такие пометы: *какаду*, *эму* – мужского рода, *колибри*, *гну* – мужского и женского, а *динго* и вовсе среднего рода. Можно, конечно, догады-

ваться, что мужской род первых слов продиктован родовым наименованием *страус*, которое относится к мужскому роду, а мотивация среднего рода *динго* как-то связана с конечным *-о*, которое у склоняемых существительных указывает на принадлежность к среднему роду. Но конечный гласный несклоняемого слова – это не окончание, а часть основы, получившая специальное обозначение – финаль, и показателем рода она быть не может. Что касается мотивации рода гиперонимами, то этот процесс не имеет глобального характера, и вообще влияние гиперонима характерно только на начальном этапе освоения слова в языке-рецепторе. Фактически только два слова из группы названий животных закрепились в женском роде. Это *иваси* и *цеце*.

Ср.: *Как вид, иваси нигде не исчезла. Просто сейчас из-за небольшого ее количества вести промыслы стало экономически невыгодно* (Аргументы и факты. 1994. № 49).

Цеце пила у вас кровь, – сказал он, передавая мне убитую муху (В. Елисеев. По джунглям Конго).

Остальные слова – названия животных, птиц, насекомых – это, как отмечается в предисловии к СБ, в принципе существительные общего рода (по понятным семантическим причинам). Однако отличие от антропонимов заключается в том, что обобщенная функция мужского рода используется гораздо шире. Если пол человека, как правило, всегда очевиден, то для животных эта характеристика (естественно, в рамках языковой концептуализации) часто остается незначимой. Поэтому наиболее адекватные словарные пометы к словам такого типа это не «м. и ж.», а «м.», и при подчеркнутом указании на самку – ж.». Средний род как не соответствующий идее одушевленности не должен быть рекомендован ни при каких условиях.

Ср.: *Теперь это была очаровательная шимпанзе, неизменно веселая и наделенная редкостным чувством юмора* (Дж. Даррелл. Гонимые Бафута).

В свете фар стояла самка кенгуру с детенышем в сумке. Кенгуру не убежала, только неуклюже отпрыгнула к краю дороги (В. Большаков. На скоростной дороге не останавливаются).

Бородатые самцы-гну сомкнулись вокруг своих самок и детенышей, пригнув рогатые головы (Ю. Нагибин. Переулки моего детства).

Таким образом, очевидно, что род у несклоняемых одушевленных имен, называющих животных, представляет собой яркий пример привативной грамматической оппозиции с немаркированным мужским родом (ср. аппозитив при необходимости подчеркнуть пол – *самцы-гну*). Как известно, выделяют следующие статические (или синхронные) свойства немаркированного коррелята: он выступает в позиции нейтрализации, часто выражается нулевым знаком, с меньшей степенью морфологической нерегулярности, чем маркированный элемент, обладает большей частотностью. Имеет свободную дистрибуцию, т.е. в меньшей степени ограничен контекстом, чем маркированный элемент. Немаркированный элемент представляется сознанию носителей языка знаком всей коррелирующей пары и воспринимается с меньшими усилиями.

Сильный член оппозиции всегда в какой-то степени отражает (и, следовательно, выражает) отмеченную в

языке сущность внеязыковой реальности. Слабый член грамматической оппозиции данную языковую сущность игнорирует. Склоняемые названия животных в русском языке по большей части вообще лишены противопоставления по роду (за исключением немногочисленных пар типа *кот-кошка*), это эпицены, которые независимо от грамматического рода применяются для обозначения животных и мужского и женского пола, а также в тех контекстах (их, конечно, подавляющее большинство), когда пол животных никак не подчеркивается. Распределение по родам эпиценов происходит исключительно по формальным (морфонологическим) признакам. Поскольку несклоняемые существительные лишены формальных показателей рода (окончаний), эпицены среди них невозможны.

Женский род несклоняемых названий животных – маркированный член оппозиции, который всегда передает семантику биологического пола. Оправу всего понимания морфологических корреляций Р.О. Якобсон (который первым перенес понятие беспризнакового члена из фонологии в грамматику) видел в закономерных субституциях – в употреблении немаркированного элемента вместо маркированного, т.е. в позиции нейтрализации, что в полной мере свойственно и неизменяемым одушевленным именам.

Итак, в синтактике категории рода проявляется качество языка, которое получило наименование «ген-

дерная асимметрия» (в другой терминологии – андрогенность языка).

Основным синтаксическим средством выражения категории рода-пола у существительных общего рода является форма сказуемого, выражающая предикативный признак. Предикативные и атрибутивные связи несут разную нагрузку: атрибутивные сочетания в большей мере формальны, предикативные – семантически, ибо они не столько согласуются с родовой формой имени существительного, сколько коррелируют с полом обозначаемого этим существительным лица (*врач пришла, но хороший врач*). У прилагательных «инерция» согласования порождает даже ошибки типа *он такая растяпа*. Итак, атрибутивные связи выражают грамматическое согласование, а предикативные связи указывают на смысл (биологический пол).

В форме множественного числа у существительных общего рода пол обозначаемых лиц становится неактуальным, а род никакими средствами не выражен.

У несклоняемых имен существительных единственным способом экспликации родового значения оказывается синтагматика. Однако нельзя сказать, что именно этот способ продиктовал разграничение несклоняемых имен на слова мужского, женского или общего рода, так как сама синтагматика предопределяется денотативным содержанием – фактором лексического значения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вертнев С.В. Общий род как индоевропейская грамматическая категория : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Владимир, 2002.
2. Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. М., 1968. Т. 3.
3. Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. М., 1941.
4. Ласкова М.В. Грамматическая категория рода в аспекте гендерной лингвистики : дис. ... д-ра филол. наук. Ростов н/Д, 2001.
5. Зализняк А.А. Грамматический словарь русского языка. Словоизменение. М., 1967.
6. Панова Г.И. Морфологические категории в современном русском языке: аспекты формального выражения глагольного вида и рода существительных : автореф. ... д-ра филол. наук. М., 1996.
7. Смирницкий А.И. Морфология английского языка. М., 1959.
8. Мучник И.П. Грамматические категории глагола и имени в современном русском литературном языке. М., 1971.
9. Колесников А.А. Использование лексических значений при анализе категории числа имен существительных // Очерки по лексикологии и словообразованию. Ростов н/Д, 1974. С. 36–41.
10. Сенько Е.В. Неологизация в русском языке конца XX века: межуровневый аспект : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2000.
11. Никитович В.М. Грамматические категории в современном русском языке. М., 1963.
12. Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М., 1972.
13. Пешиковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1938.
14. Загитко А.А. Функциональная ориентированность грамматических форм рода имен существительных // Филологические науки. 1989. Вып. 1. С. 35–43.
15. Николаева Т.Н. Теория функциональной грамматики как представление языковой данности (на материале четырех выпусков книги «Теория функциональной грамматики») // Вопросы языкознания. 1995. Вып. 1. С. 68–79.
16. Брусенская Л.А. Словарь неизменяемых иноязычных слов русского языка. Ростов н/Д : Изд-во Ростов. гос. пед. ун-та, 1997.
17. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Толковый словарь языка Совдепии. СПб. : Фолио-пресс, 1998.
18. Словарь русского языка (МАС). М., 1985–1988. Т. 1–4.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 27 марта 2014 г.

ANDROGENICITY OF LANGUAGE AND PROBLEMS OF SYNTAGMATICS OF THE CATEGORY OF GENDER

Tomsk State University Journal. No. 382 (2014), 11–18. DOI: 10.17223/15617793/382/2

Bunames Natalia V. Volgodonsk Engineer-Technical Institute, Branch of National Research Nuclear University MEPhI (Volgodonsk, Russia). E-mail: bunames@bk.ru

Keywords: gender stereotype; natural gender; homo-dual gender nouns; correlative nouns; dual speech reference.

Gender is one of the basic dimensions of the social structure of the society. Gender studies try to find out how gender stereotypes are reflected in the language system. If the language is not a natural body but a social construct, it must find a reflection of the social representations of the roles, capacities, responsibilities of men and women. The most radical representatives of genderology expressed the opinion that the language needed to be legislatively liberated from forms and expressions that contain gender discrimination. First of all, such "discriminatory" facts attributed to the normal use of the masculine in a generalized sense. Common gender is an Indo-European category and a natural phenomenon. In a broad sense, the possibility of fluctuations in coordination with respect to one noun is included into the common gender. Words of the common gender are otherwise called "homoforms", "homo-dual gender words", "disjunctions of

two genders", "two lexemes" or "two meanings of a vocable", and the content of the group is generally understood univocally. In the Russian language the meaning of a female person is expressed by syntactic means, the significance of which is constantly increasing, because the growth of women's labour increases the number of suffices naming women by profession, but there is a reverse process. A number of linguistic studies note that words like *doctor* should be classified as a common gender noun, because their syntactic properties are similar to the common gender nouns. Most often such nouns are attributed to the common gender with a mark. Uninflected nouns naming both males and females should be classified as common gender nouns. As for the words of the *doctor* type, it is logical to attribute them to the masculine gender noun. Uninflected nouns do not convey the meanings of gender, number and case with the help of an inflection unlike most nouns of the synthetic inflected languages. Yet they possess grammatical meanings (otherwise they would not be able to function in communicative acts) and express them syntactically. The main syntactic means of expressing the category of gender of common gender nouns is the form of the predicate expressing the predicative sign. Predicative and attributive connections have different load: attribute combinations are largely formal while predicative ones are semantic for they are not so much consistent with the generic form of the noun, but correlate with the sex of the person the noun denotes (*vrach prishla* (f) / the doctor came, but *khorooshiy vrach* (m) / a good doctor). The "inertia" of concord in adjectives generates errors. So, attribute connections express grammatical concord, and predicative links indicate the meaning (biological sex). Plural nouns do not distinguish gender of common gender nouns and have no expression of it. The only way to express the gender of uninflected nouns is syntagmatically. Yet, one cannot say that this way dictated the classification of uninflected nouns into belonging to the masculine, feminine or common genders as syntagmatics is predetermined by the denotative content – the lexical meaning.

REFERENCES

1. Vertiev S.V. *Obshchiy rod kak indoevropeyskaya grammaticheskaya kategoriya*. Avtoref. dis. kand. filol. nauk [Common gender as an Indo-European grammatical category. Abstract of Philology Cand. Diss.]. Vladimir, 2002.
2. Potebnya A.A. *Iz zapisok po russkoy grammatike* [From the notes on the Russian grammar]. Moscow, 1968. Vol. 3.
3. Shakhmatov A.A. *Sintaksis russkogo yazyka* [Syntax of the Russian language]. Moscow, 1941.
4. Laskova M.V. *Grammaticheskaya kategoriya roda v aspekte gendernoy lingvistiki*. Dis. dokt. filol. Nauk [The grammatical category of gender in gender linguistics. Philology Dr. Diss.]. Rostov-on-Don, 2001. 302 p.
5. Zaliznyak A.A. *Grammaticheskiy slovar' russkogo yazyka. Slovoizmenenie* [Grammatical Dictionary of the Russian language. Inflection]. Moscow, 1967.
6. Panova G.I. *Morfologicheskie kategorii v sovremennom russkom yazyke: aspekty formal'nogo vyrazheniya glagol'nogo vida i roda sushchestvitel'nykh*. Avtoref. dokt. filol. nauk [Morphological categories in the modern Russian language: aspects of formal expression of the aspect of the verb and the gender of the noun. Abstract Philology Dr. Diss.]. Moscow, 1996.
7. Smiritskiy A.I. *Morfologiya angliyskogo yazyka* [The morphology of the English language]. Moscow, 1959.
8. Muchnik I.P. *Grammaticheskie kategorii glagola i imeni v sovremennom russkom literaturnom yazyke* [Grammatical categories of the verb and the noun in the modern Russian literary language]. Moscow, 1971.
9. Kolesnikov A.A. *Ispolzovanie leksicheskikh znacheniy pri analize kategorii chisla imen sushchestvitel'nykh* [Using lexical meanings in the analysis of the category of number of nouns]. In: *Ocherki po leksikologii i slovoobrazovaniyu* [Essays on lexicology and word formation]. Rostov-on-D, 1974, pp. 36-41.
10. Sen'ko E.V. *Neologizatsiya v russkom yazyke kontsa XX veka: mezhurovnevyy aspekt*. Avtoref. dis. dokt. filol. nauk [Neologization of the Russian language in the late twentieth century: the interlevel aspect. Abstract of Philology Cand. Diss.]. Volgograd, 2000.
11. Nikitovich V.M. *Grammaticheskie kategorii v sovremennom russkom yazyke* [Grammatical categories in the modern Russian language]. M., 1963.
12. Vinogradov V.V. *Russkiy yazyk. Grammaticheskoe uchenie o slove* [The Russian language. A grammatical teaching of the word]. Moscow, 1972.
13. Peshkovskiy A.M. *Russkiy sintaksis v nauchnom osveshchenii* [Russian syntax in a scientific light]. Moscow, 1938.
14. Zagnitko A.A. *Funktsional'naya orientirovannost' grammaticheskikh form roda imen sushchestvitel'nykh* [Functional orientation of the grammatical forms of gender of nouns]. *Filologicheskie nauki – Philological Sciences*, 1989, Issue 1, pp. 35-43.
15. Nikolaeva T.N. *Teoriya funktsional'noy grammatiki kak predstavlenie yazykovoy dannosti (na materiale chetyrekh vypuskov kn. "Teoriya funktsional'noy grammatiki")* [The theory of functional grammar as a representation of the language given (based on the four issues of the book. *The Theory of Functional Grammar*)]. *Voprosy yazykoznaniya*, 1995, Issue 1, pp. 68-79.
16. Brusenskaya L.A. *Slovar' neizmenyaemykh inoyazychnykh slov russkogo yazyka* [The Dictionary of Uninflected Foreign Words in the Russian Language]. Rostov-on-Don: Rostov State Pedagogical University Publ., 1997.
17. Mokienko V.M., Nikitina T.G. *Tolkovyy slovar' yazyka Sovdepii* [The Explanatory Dictionary of the Land of Soviets]. St. Petersburg: Folio-press Publ., 1998.
18. Evgenieva A.P. (ed.) *Slovar' russkogo yazyka* [The Russian Language Dictionary]. In 4 vols. Moscow, 1985-1988.

Received: March 27, 2014